

**Теоретические гуманитарные науки
(по материалам рукописи Н.И. Кареева
«Общая методология гуманитарных наук»)***

© 2021 г. Е.А. Долгова^{1**}, А.В. Малинов^{2***}, В.В. Слискова^{3****}

^{1,3} *Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, 125993, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Университетская набережная, д. 7-9; Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, 190005, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.*

^{**} *E-mail: medievalis@list.ru*

^{***} *E-mail: a.v.malinov@gmail.com*

^{****} *E-mail: valeriya.sliskova@mail.ru*

Поступила 23.04.2020

В статье характеризуются философско-методологические взгляды Н.И. Кареева (1850–1931) – ученого, чье имя чаще ассоциируется с изучением вопросов всеобщей истории. На материалах лишь частично опубликованной ранее работы «Общая методология гуманитарных наук» авторы ставят вопрос об актуальности теоретико-методологических исследований Н.И. Кареева. Отмечается, что понятие «гуманитарные науки» Кареев толковал максимально широко, включая в них и те дисциплины, которые принято называть социальными, противопоставляя их по предмету наукам естественным и отличая их от наук «культурных». В увлечении Н.И. Кареева различными философскими теориями не только проявлялся его личный познавательный интерес, но и сказывались нужды самой историографии, ищущей обоснования своего научного, прежде всего, познавательного статуса. Статью сопровождает публикация отрывка из шестой главы «Теоретические гуманитарные науки» труда Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». Кареев старался проследить, как в гуманитарных науках формировались два направления: теоретическое (дедуктивный метод) и историческое, или научное (индуктивный метод). Развитие науки следует позитивистскому сценарию: переход от метафизики к познанию, основанному на фактах, то есть эмпирическому. Делается вывод, что ко времени подготовки текста (начало 1920-х гг.) подход Кареева воспринимался как устаревший.

Ключевые слова: Кареев, философия истории, методология, гуманитарные науки, сравнительно-исторический метод, историзм, позитивизм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-94-107

Цитирование: Долгова Е.А., Малинов А.В., Слискова В.В. Теоретические гуманитарные науки (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»). Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 6. Теоретические гуманитарные науки (фрагменты). Подготовка текста и публикация Долговой Е.А., Малинова А.В., Слисковой В.В. // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 94–107.

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-09-00109\19 «Методологическое наследие Н.И. Кареева: исследование, подготовка к изданию, комментарии».

Theoretical Humanities (Based on the Kareev's Manuscript "General Methodology of Humanities")*

© 2021 Evgeniya A. Dolgova^{1**}, Alexey V. Malinov^{2***}, Valeriya V. Sliskova^{3****}

^{1,3} Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

² St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; Sociological Institute – a branch of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Science, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., Saint Peterburg, 190005, Russian Federation.

** E-mail: medievalis@list.ru

*** E-mail: a.v.malinov@gmail.com

**** E-mail: valeriya.sliskova@mail.ru

Received 23.04.2020

The article deals with the philosophical and methodological views of N.I. Kareev (1850–1931) whose name was usually associated with World History studies. Based on the materials of the partially published work "General Methodology of Humanities", the authors put the question of the relevance of Kareev's theoretical and methodological research at the time of paper's writing. The authors note that Kareev interpreted the concept of "humanities" as broadly as possible. This concept includes the Social Studies, which he opposed to the Natural sciences and set them apart from the "cultural". It can be considered that Kareev's enthusiasm for the philosophical theories was caused by his personal interest and the necessity of historiography to justify its scientific and cognitive status. The article is accompanied by the extract of the sixth chapter "Theoretical Humanities" of the work "General Methodology of Humanities" dedicated to the theoretical problems of studying the phenomena that represent the subjects of the humanities. In the published fragments Kareev tried to trace how these two directions were formed in the humanities: the theoretical (deductive method) and the historical (inductive method). He interpreted the development of science as a transition from metaphysics to empirical knowledge based on facts. The authors conclude that by the time the text was prepared (early 1920s), Kareev's approach was perceived as outdated.

Keywords: Kareev, philosophy of history, methodology, Humanities, comparative-historical method, historicism, positivism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-94-107

Citation: Dolgova, Evgeniya A., Malinov, Alexey V., Sliskova, Valeriya V. (2021) "Theoretical Humanities (Based on the Kareev's Manuscript "General Methodology of Humanities)". Kareev, Nikolay I. *General Methodology of the Humanities. Chapter 6. Theoretical Humanities* (Fragments), ed. by Dolgova, Evgeniya A., Malinov, Alexey V., Sliskova, Valeriya V., *Voprosy filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 94–107.

* This article has been prepared with financial support of the Russian Foundation for the Basic Research (RFBF), science project No. 19-09-00109\1, "Methodological studies by Nikolay I. Kareev: research, publication, comments".

Имя Николая Ивановича Кареева хорошо известно историкам русской философии, хотя он и не был профессиональным философом: его имя чаще ассоциируется с исторической наукой. Сама судьба, казалось, постоянно обращала и возвращала его к философии: Кареев родился в год закрытия в российских университетах кафедр философии; в гимназические годы он сдружился с В.С. Соловьевым, с которым учился в одном классе и впоследствии поддерживал с ним приятельские отношения, несмотря на различия философских взглядов; позднее стал свидетелем высылки отечественных ученых из Советской России и «академического дела», был одним из немногих, кто осенью 1922 г. пришел проводить «философский пароход», пережил запрет возглавляемого им Социологического общества и умер в разгар очередной идеологической кампании по разгрому «меньшевистствующего идеализма» (А.М. Деборин и его сторонники) в философии.

В молодости, вспоминая Кареева, он долго выбирал свой дальнейший путь, решая быть ли ему историком или философом [Кареев 1990, 251]. В итоге он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где его учителем стал В.И. Герье, также увлекавшийся философией. Еще в 1865/1866 уч. г. В.И. Герье читал курс по философии истории («Очерк развития исторической науки», 1865), из которого выросла его докторская диссертация о Г.В. Лейбнице – двухтомное исследование «Лейбниц и его век» (1868–1871) – и полвека спустя монография «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915). Философские увлечения Кареева, таким образом, не противоречили научным интересам учителя и встретили его полную поддержку. В 1884 г. Кареев защитил первую в России диссертацию по философии истории – «Основные вопросы философии истории» (М., 1883). Однако сложные отношения с В.И. Герье не позволили ему продолжить преподавательскую карьеру в Москве [Цыганков 2010, 110–147]; он вернулся в Варшавский университет, в котором с 1879 г. был экстраординарным профессором, а в 1885 г. переехал в Санкт-Петербург, где с перерывами работал в Петербургском университете, Александровском лицее, Политехническом институте и на Высших женских курсах. В учебных заведениях Кареев читал в основном разнообразные курсы по всеобщей истории, а его главным произведением по праву считается семитомная «История Западной Европы в Новое время». Однако и интереса к философии истории он не утратил.

Для того поколения историков, к которому принадлежал Н.И. Кареев, вообще была характерна открытость к философии. В его увлечении различными философскими теориями не только проявлялся личный познавательный интерес, но и сказывались нужды самой историографии, ищущей обоснования своего научного, прежде всего, познавательного статуса. История стремилась закрепить за собой право называться наукой, стать вровень с науками естественными, познанию которых доступна сама истина. Современники и коллеги Кареева по академическому цеху (Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Г. Виноградов, Л.П. Карсавин и др.) предлагали свои версии философского оправдания истории. Большинство из них ориентировались на доктрины позитивизма и неокантианства, то есть учений, претендовавших на то, чтобы быть научной философией. В этих же координатах сложилось и философское мировоззрение Кареева: он опубликовал ряд монографий, которые позволили историкам русской философии отнести его к последователям позитивизма. Многочисленные исследования, как правило, подтверждают высказанную оценку, порой корректируя ее в сторону «полупозитивизма» [Зеньковский 1991, 182], принадлежности Н.И. Кареева к «субъективной школе» [Леонтьева 2005] и т.д. К юбилеям ученого регулярно проводятся научные конференции [Кареев 2000, Социологическое наследие 2006], периодически издаются работы, рассматривающие его вклад в философию, в том числе содержащие библиографические обзоры [Щедрина, Пружинин 2019]; в десятках диссертаций истолковываются разнообразные аспекты его жизни и учения; переиздаются некоторые книги ученого. Кареева нельзя отнести к забытым или неопцененным деятелям русской науки, хотя шкала такой оценки может варьироваться в зависимости от схолярных предпочтений самих исследователей. Загадки оставил и сам

исследователь: так, в письме в редакцию Малой советской энциклопедии в 1930 г. ученый писал: «Мое историческое мировоззрение стало складываться под влиянием позитивизма, отвергавшего всякую метафизику, но к социологии Конта я с самого начала относился критически» [Кареев 1931, 172].

Работы Н.И. Кареева, прежде всего, «История Западной Европы в Новое время» показывают, что даже в своих «чисто» исторических курсах он старался дать характеристики философских умонастроений разных исторических периодов, представить философию как часть общего научного развития эпохи. В.В. Зеньковский отмечал, что к вопросам философии истории Кареев всегда подходил «как ученый историк» [Зеньковский 1991, 182]. Строго говоря, и возможностей приобрести нужный ракурс у него было не так много. Лишь в конце своей академической карьеры, осенью 1922 г., Карееву довелось прочитать небольшой курс по методологии общественных наук в Петроградском университете [Кареев 1990, 285]. Методологию он понимал здесь как теорию научного мышления. Эти лекции, получившие название «Общая методология гуманитарных наук», готовились к печати в издательстве «Наука и школа», а первые три главы из них даже были набраны типографским способом. Однако из-за цензурных ограничений книга так и не была издана [Долгова 2012]. Ее рукопись сохранилась в фонде ученого в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Книга состоит из семи глав, разбитых сквозной нумерацией на четыре сотни параграфов.

Шестая, одна из самых больших глав, называется «Теоретические гуманитарные науки» (§ 301–365). Необходимо отметить, что Кареев максимально широко толковал «гуманитарные науки», включая в них и те дисциплины, которые принято называть социальными. В одной из своих работ, написанных до 1917 г., ученый отмечал: «Собственно говоря, все явления, изучаемые гуманитарными науками, кроме разве фактов индивидуальной душевной жизни, суть явления общественные, потому что все совершается в обществе. В самом деле, вне общества не мыслимы были бы ни язык, ни литература, ни религия, ни философия, ни наука, т.е. ничто из того, в чем заключается все содержание духовной жизни человечества» [Кареев 1903, 2–3].

Гуманитарные науки в концепции Н.И. Кареева логично противостоят естественным. Главное их отличие, по мнению ученого, заключается в принципе историзма: почти весь фактический материал гуманитарных наук относится к прошлым событиям и состояниям культурного и общественного мира и добывается из возникших в прошлом источников, причем и все наблюдения над настоящим очень скоро превращаются также в свидетельства о прошлом. В естественных же науках может существовать историческая точка зрения, но «очень скуден, а главное – нем – исторический материал», вследствие чего и исторический метод не может так широко применяться, как в науках гуманитарных. Кареев пишет, что в XIX в. «историзм проник во все теоретические гуманитарные науки, придав их учениям совершенно иной характер, чем тот, который они имели в период господства в них чистого умозрения» (§ 306).

Однако опора на факты (а не на умозрение), которое дает история, еще не делает гуманитарное знание наукой. Например, гуманитарные науки не только противостоят по предмету наукам естественным, но и отличаются от наук «культурных», в терминологии Кареева. Он, вероятно, одним из первых в русскоязычном научном контексте стал использовать термин «культурология» (по аналогии с социологией), понимая ее как «номологическое изучение духовной культуры» (§ 359). Культурология, полагал Кареев, имеет опору в психологии, как науке о душевной жизни, то есть в той области, в которой сбываются смыслы. Культура же есть объективированный смысл (смыслы)¹. В научной литературе термин «культурология» получил распространение только в 1930-е гг. и практически отождествлялся с культурной антропологией. Кареев же использует неологизм и «варваризм» «культурология» в тех значениях, которые позднее, уже в 1990-е гг., закрепились за ним как раз в отечественной науке о культуре.

В методологическом отношении науки, равно естественные и гуманитарные, делятся на феноменологические (изучающие явления) и номологические (доискивающиеся

законов). «История, в обычном смысле, – отмечал Кареев в «Историологии», – есть наука конкретная (по Конту), индивидуализирующая (по Риккерт), идиографическая (по Виндельбанду), или феноменологическая, как я предпочитал классифицировать ее раньше, а историология, наоборот, есть дисциплина абстрактная (по Конту), генерализирующая (по Риккерт), номотетическая (по Виндельбанду), или номологическая, как я продолжаю ее и теперь называть» [Кареев 2000, 27–28]. С легкой руки В.П. Бузескула в русской науке закрепилось мнение о предвосхищении Кареевым «идей Виндельбанда – Риккерта» [Бузескул 1929, 160]. Однако в «Общей методологии гуманитарных наук» он дублирует эту дихотомию, когда пишет о науках исторических и теоретических. Такое переформулирование методологических особенностей науки кажется не вполне обоснованным в книге Кареева. Более того, он использует термин «историческое» в смысле «эмпирическое», а не в качестве синонима идиографического построения (история как описательная наука); «теоретическое» же означает у него знание умозрительное или метафизическое, хотя и «номологическое». Развитие науки идет по позитивистскому сценарию как переход от метафизики к познанию, основанному на фактах, то есть эмпирическому, или, строго говоря, научному. Приравнивая историческое к эмпирическому (§ 314), Кареев продолжает мыслить в рамках «школьной» философии, представленной еще в учебниках Х. Вольфа или в их русскоязычных эквивалентах (учебниках Г.Н. Теплова и Я.П. Козельского). Даже во времена Кареева такая интерпретация выглядела явным анахронизмом, а его прямолинейный позитивизм – устаревшим. Гуманитарное знание – в своих истоках знание метафизическое, ограничивающееся «логическим анализом отвлеченных понятий». Помимо «умозрительных теорий», в которых замкнулось большинство гуманитарных наук, есть науки нормативно-прикладные (например, правоведение, политика). Однако и они поднимаются до уровня собственно науки лишь тогда, когда в них начинает преобладать историческая точка зрения, то есть появляются историческая школа права, историческое направление в политической экономии, историческое языкознание и т.п.

В большинстве параграфов Кареев старался проследить, как в гуманитарных науках формировались эти два направления: теоретическое (дедуктивный метод) и историческое, или научное (индуктивный метод). Он дает краткие экскурсы в историю отдельных социальных наук: политической экономии, правоведения, государственоведения, социологии. Особое значение сравнительный метод имеет для социологии, точнее, вне сравнительного метода нет и социологии, а сравнительное направление в других гуманитарных науках (сравнительное языкознание, сравнительная мифология, сравнительная история религии, сравнительная юриспруденция, сравнительная политика и т.п.) Кареев готов признать разделами социологии. Он мыслит социологию как науку синтетическую, не имеющую своего собственного предмета, а лишь обобщающую достижения других наук. Синтетический характер социологии имеет и свое методологическое измерение. В отличие от большинства гуманитарных наук, доискивающих одной, универсальной причины (монокаузальность), социология обращается к методу многофакторности. Поливариантный взгляд на историю в целом характерен для позитивизма, в том числе и для русских единомышленников Кареева [Михайлова 2017, 130]. Ученый даже готов отказать социологии не только в специфическом предмете, но и собственном методе, говоря лишь о социологическом (= плюралистическом) подходе к изучению общественных явлений.

Если абстрактные теории, формулируя определения, строя категории и анализируя понятия, давали лишь столь же отвлеченное убеждение в законосообразности мироустройства, то подлинное номологическое объяснение достижимо лишь посредством сравнительного метода. Сравнение, в свою очередь, раскрывает два вида закономерности: причинные связи и эволюционные законы. Возможность сравнения задается своеобразной аксиомой универсальности – убеждением в «единообразии действительности» (единстве как человеческой природы, так и однородности социальных отношений), раскрывающих тождество социально-исторического развития, универсальную модель,

согласно которой определенным этапам (стадиям) эволюции общества соответствуют определенные формы социальной жизни. Универсальная модель социально-исторического развития в ее позитивистском изводе, которую воспроизводит Кареев, не нова; она восходит к христианской линейной модели истории. Научная рациональность Нового времени лишь переинтерпретирует «смысл» истории как идею закономерности [Соколов 2019, 236–237].

Ниже публикуется отрывок из шестой главы работы «Общая методология гуманитарных наук» «Теоретические гуманитарные науки». Текст подготовлен по современным правилам орфографии и пунктуации. Стилистические особенности в текстах, особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. Сохранены подчеркивания и выделения в документе. Утраченные фрагменты обозначены многоточием в квадратных скобках [...], восстановленные публикациями фрагменты даются в квадратных скобках [], сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены <...>.

Примечание

¹ Стоит заметить, что само слово «культура» в русском языке фактически является ровесником Кареева. Впервые оно фиксируется в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изданном Н.С. Кирилловым в 1845 г., и до конца XIX в. употребляется редко [Соколов 2013, 43].

Источники– Primary Sources

Бузескул 1929 – *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929 (Buzescul, Vladislav P., *General History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries*, in Russian).

Зеньковский 1991 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. I. Ч. 2. Л.: ЭГО, 1991 (Zenkovsky, Vassily V., *History of Russian Philosophy*, in Russian).

Кареев 2000 – *Кареев Н.И.* Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 13–237 (Kareev, Nikolay I., *Historiology (Theory of Historical Process)*, in Russian).

Кареев 1990 – *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990 (Kareev, Nikolay I., *Lived and Experienced*, in Russian).

Кареев 1931 – «Многие его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях»: Письмо Н.И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» о его отношении к К. Марксу и марксизму. 1931 г. / Публ. В.П. Золотарева // Исторический архив. 2002. № 6. С. 169–175 (Kareev, Nikolay I., *Letter to the Editor of “Small Soviet Encyclopedia”*, in Russian).

Кареев 1903 – *Кареев Н.И.* Что такое общественные науки // *Кареев Н.И.* Введение в изучение социальных наук. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1903 (Kareev, Nikolay I., *What is Social Sciences*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Долгова 2012 – *Долгова Е.А.* Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.

Кареев 2000 – Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Материалы Первой всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкарский гос. ун-т, 5–6 дек. 2000 г. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та, 2002.

Леонтьева 2005 – *Леонтьева О.Б.* Дискуссия о схолярной принадлежности наследия Н.И. Кареева в отечественной историографии // История и историки в Казанском университете. Ч. 2. Казань, 2005. С. 225–232.

Михайлова 2017 – *Михайлова Е.* Смысловая значимость славянофильства в оценке К.Д. Кавелина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. № 2. С. 129–135.

Соколов 2019 – *Соколов Б.Г.* Структура vs генезис: историческое сознание во Франции // *Studia Culturae*. 2019. № 41. С. 231–249.

Соколов 2013 – *Соколов Е.Г.* Науки о культуре: онтология целостности vs феноменология дискретности // Философские науки. 2013. № 10. С. 38–50.

Социологическое наследие 2006 – Социологическое наследие Н.И. Кареева: материалы межвузовской научно-теоретической конференции, РГПУ им. А.И. Герцена, 15 декабря 2006 г. СПб.: [б.и.], 2007.

Цыганков 2010 – Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010.

Щедрина, Пружинин 2019 – Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / Под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2019.

References

Dolgova, Evgeniya A. (2012) 'From the Publication History of Nikolay I. Kareev's Work "General methodology of the Humanities" (1922–1924)', *Herald of an Archivist*, Vol. 1, pp. 239–245 (in Russian).

Leontyeva, Olga B. (2005) "Discussion about the Scholarly Belonging of N.I. Kareev's Heritage in Russian historiography", *History and Historians in the University of Kazan*, Kazan Univ. press, Kazan, Vol. 2, pp. 225–232 (in Russian).

Mikhaylova, Elena (2017) "Semantic Significance of Slavophilism in the Assessment of Konstantin D. Kavelin", *Philosophical polylogue*, Vol. 2, pp. 129–135 (in Russian).

Nikolay Ivanovich Kareev: Man, Scientist, Public Figure: Materials of the First All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of Nikolay I. Kareev (2002), Syktyvkar State University Publ., Syktyvkar (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G., Pruzhinin, Boris I., eds. (2019) *Methodology of History: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov*, Russian Political Encyclopedia, Moscow (in Russian).

Sokolov, Boris G. (2019) "Structure vs Genesis: Historical Consciousness in France", *Studia Culturae*, Vol. 41, pp. 231–249.

Sokolov, Evgeniy G. (2013) "Science of Culture: Ontology of Integrity vs Phenomenology of Discreteness", *Philosophical Sciences*, Vol. 10, pp. 38–50 (in Russian).

Sociological Heritage by Nikolay I. Kareev (2006), Herzen Russian State Pedagogical University Publ., Saint Petersburg (in Russian).

Tsygankov, Dmitry A. (2010) *Professor V.I. Guerrier and his students*, Russian Political Encyclopedia, Moscow (in Russian).

Сведения об авторах

ДОЛГОВА Евгения Андреевна – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета.

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН.

СЛИСКОВА Валерия Викторовна – магистрант Российского государственного гуманитарного университета.

Author's Information

DOLGOVA Evgeniya A. – DSc in History, Associate Professor at the Russian State University for Humanities.

MALINOV Alexey V. – DSc in Philosophy, Professor at the Saint Petersburg State University; leading researcher, Sociological Institute – a branch of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Science.

SLISKOVA Valeriya V. – Magistracy Student, Russian State University for the Humanities.

Общая методология гуманитарных наук

Глава 6. Теоретические гуманитарные науки (фрагменты)

301. Наряду с историческим знанием в гуманитарных науках существует и знание теоретическое, на высших ступенях которого оно делается номологическим. Историческое знание показывает, например, какие были в прошлом и ныне существуют государства или религии, а теоретическое ставит вопросы о том, что такое государство и религия вообще, в чем заключается их сущность (*quid proprium*¹), их содержание и пр. и пр. вплоть до законосообразности соответственных этим понятиям явлений.

302. Во всех областях гуманитарного знания логический анализ отвлеченных² понятий предшествовал фактическому изучению реальных отношений. Начало этому было положено греческой философией в эпоху софистов и Сократа, когда философия «сведена была с неба на землю», то есть когда начали рассуждать не о космосе, а о делах человеческих и занялись отвлеченными понятиями нравственности, права и политики и впервые формулировать теоретические взгляды на добро и зло, на долг и закон, на людское общежитие и государство. Первый приступ к этим вопросам был чисто рационалистический: отвлеченные понятия, их определения, их анализ, их сопоставления и отвлеченные от них построения, – вот что характеризует эти ранние теории, касающиеся всех явлений культуры, как будто все это могло быть предметом рационального знания без прочной эмпирической основы, – знания, для которых казалось достаточным иметь самый поверхностный опыт в повседневных житейских наблюдениях. Так возникли первые умозаключительные теории греческих философов, многие разъяснившие и обо многом верно догадывавшиеся, но нередко наводившие и на неверные пути – в сторону метафизики.

303. Совершенно научный характер теоретизирования приобретает у Аристотеля, который был не только рационалистом, но и эмпириком, занимаясь человеческими делами, вносил [в] свои занятия приемы естествоиспытателя, каким тоже был, и в частности, говоря о государственной, экономической и правовой жизни, был не только теоретиком, но и историком. Его «Политика» – первый трактат по социологии с преобладанием политической точки зрения и на основании обильного фактического материала. Ранее, чем другие общественные науки заключили тесный союз с историческим знанием, политика и история уже были тесно соединены между собою, хотя впоследствии возобладало и долго господствовало чисто умозрительное направление в политике, тем более, что в ней еще более стали выдвигаться вперед вопросы о должном с точки зрения и познания цели государства, и о выборах политических средств, делавших политику более нормативной и прикладной наукою, нежели чистой теорией, имеющей целью знание ради знания.

<...>

307. История в своем чистом виде описывает и повествует (рассказывает), тогда как чистые теории состоят из рассуждений, причем, разумеется, между этими полюсами существует много переходных ступеней рассуждающих историй и теорий с описательно-повествовательным характером, вся разница между которыми заключается в том, что рассуждающая история остается идиографичной даже на высшей ступени философии истории (§)³, тогда как описательно-повествовательная история имеет устремление к номологии, хотя бы даже на низших ступенях обобщающего знания. История государства есть, например, история данного государства (России, Франции, Германии и т.п.) или данной типической группы государств (античных государств-городов, средневековых феодальных и сословных монархий и т.п.), теория государства имеет дело с государством вообще, с государством, взятым отвлеченно, так сказать, вне времени и пространства, и с разными видами и классами⁴ государств, где бы они ни были и когда бы они ни существовали. В истории основное содержание в суждениях единичных, в теории все дело в суждениях общих, а стоящие посередине изучения

групп и видов более состоят из суждений частных, хотя, предупреждаю, сказанное нужно понимать с известными оговорками. Внимательный читатель сам найдет необходимые оговорки в тех возражениях, которые в нем возникнут.

308. Нужно различать между историческими теориями, касающимися отдельных народов, государств, религий, законодательств, литератур и т.п., и общими теориями с историческим обоснованием. Исторические теории идиографичны, общие теории с историческим обоснованием номологичны, а потому те и другие не совпадают. Всегда есть и будет разница между экономическим историком, исследующим прошлое хозяйства в отдельной стране, часто в отдельную эпоху, с одной стороны, и экономистом, работающим историческим методом. Первый всегда более историк, второй всегда более экономист, общий теоретик, как бы близко оба один с другим ни соприкасались. Экономический историк должен ближе стоять к другим сторонам культурно-социальной жизни изучаемых страны и эпохи, экономист, работающий историческим методом, – ближе к общей теории своей науки, заключающей в себе и неисторические элементы.

309. Разница и в том, что в одном случае мы имеем дело с историческим методом, во втором – с сравнительным или сравнительно-историческим. Мы видели, что последний применяется, когда имеются в виду или общее происхождение сравниваемых вещей, или заимствования одними народами у других (§§) или же, наконец, порождение одинаковыми причинами одинаковых следствий. Для теоретических гуманитарных наук важно не просто-историческое, а именно сравнительно-историческое изучение, которое в конечном итоге может привести к обнаружению законосообразности в человеческой общественной жизни по вопросам, что как бывает, что за чем следует, что из чего получается, что к чему ведет и т.п. в той или другой области культурных явлений. В сущности сравнительный метод в таком аспекте есть метод индуктивный, тот же самый, который употребляется и в естествознании, например, в сравнительной анатомии. Известные миллевские методы (§§) тоже ведь основываются на сравнительном изучении однородных явлений и их частичных видоизменений.

314. Итак, современные гуманитарные теоретические науки широко пользуются историческим (что значит – и эмпирическим) материалом и обрабатывают его сравнительным (что значит – и индуктивным) методом для получения самых общих формул, под которые можно было бы подводить все великое разнообразие явлений культурной действительности. В данном отношении произошло несомненное сближение между гуманитарными науками и естествознанием со стороны методологической, хотя не нужно думать, что пользование историческим материалом, обрабатываемым при этом сравнительным методом, началось только под влиянием естествознания. Только принцип, так сказать, органической эволюции, отличной от *более*⁵ механической последовательности прагматических фактов, является заимствованием из биологии, когда стали говорить об органической природе языка, права (в исторической школе юриспруденции, §), государства, вообще общества (понятого в органицистической школе социологии, как социальный организм). В некоторых случаях гуманитарные науки (например, лингвистика и социология) объявлялись науками естественными по своим заданиям (открывать общие законы) и методу (индивидуальному).

315. Внесение историзма в гуманитарные теоретические науки не исключило пользования в них и прежними методами, поскольку они не противоречили новому научному направлению, устранявшему всякие метафизические предпосылки о проявлении в некоторых, по крайней мере, сторонах культуры, каковы религия, мораль, право, даже государство, некоторых духовных сущностей, понимаемых в смысле ноуменов или вещей в себе (§). Если вся культура состоит из естественных явлений, совершающихся законосообразно и доступных такому же познанию, как и явления природы, то тем самым указан общий метод их теоретического изучения, то есть исследования их происхождения в том же мире явлений, в котором они наблюдаются, а не в мире сверхчувственных сущностей, их развития, их отношения к другим явлениям в том же мире, их относительного значения в жизни человека и общества, вообще в истории человечества. В чисто теоретических гуманитарных науках все сводится к общим понятиям,

к⁶ их определениям, их анализу, их взаимоотношениям, а также к общим суждениям, не только синтетическим, но и аналитическим (§), к обоснованиям их одних на других, к выводам одних из других, причем особенно выступает вперед рациональное знание, хотя такое отношение к предметам нашего изучения не ко всем этим предметам одинаково и в одинаковой мере применимо.

316. Понятно, что сами понятия эти и суждения должны быть научными, в том именно смысле, чтобы им соответствовало нечто, существующее в мире явлений или, по крайней мере, могущее существовать, причем, разумеется, мир явлений берется не только в смысле внешних культурных явлений, но и явлений душевных, внутренних, среди которых находятся и переживания наши с оценочным содержанием, в роде идей истины, добра и красоты, специально разрабатываемыми такими философскими науками, как гносеология (с логикой), этика и эстетика. Эти три науки заключают в себе нормативные элементы, говоря об известных идеалах, о должном, и мы пока оставим их в стороне, чтобы сначала только говорить о науках, изучающих культурную действительность, как она есть, то есть какою мы ее⁷ познаем из наблюдений над нею. Общие понятия теоретических наук были бы для нас совершенно бессодержательными, если бы в действительности мы не наблюдали чего-либо соответствующего им во внешнем и во внутреннем опыте.

317. Так как вся культура имеет свое происхождение в психических переживаниях людей и во внешних ее проявлениях, как словесных, так и действенных, то не может подлежать сомнению первостепенная важность, какую имеет для теоретических гуманитарных наук психология, изучающая законы душевных явлений, и не только индивидуальная, интраментальная психология, но и коллективная, интерментальная (§), общая, так сказать, теория человеческого духа без углубления в его метафизическую сущность. Вся культура, начиная языком и кончая государством, имеет прямо психическую природу, и теоретически мыслить во всех гуманитарных науках, начиная с лингвистики и кончая политикой (в аристотелевском смысле, §), нельзя без психологических предпосылок для дальнейших дедуктивных операций научного мышления.

318. За всем тем в теоретических построениях этого рода научное мышление часто пользуется, как было только что сказано (§ 3) аналитическими суждениями, не расширяющими, а только разъясняющими знание (§), равно как словесными определениями и искусственными классификациями (§§), прибегают к условным и разделительным суждениям (§), к гипотезам и доказательствам без установки данных опытов (§) и, в общем, идет дедуктивным путем, что так часто делает эти построения, более опирающиеся на логику без фактов спорными, вызывающими разногласия, как это наблюдается и в философии, где столько противоположных направлений, исключаящих друг друга. Нельзя сказать, чтобы и в естествознании не было наблюдаемо то же самое, но в науках, изучающих природу, чаще употребляются доказательства, соединенные с установкою данных наблюдения и даже эксперимента, меньшую роль играют аналитические суждения, словесные определения и искусственные классификации, и вообще легче ликвидируются споры при большей возможности фактических проверок, в общем же в указанных отношениях гуманитарные теории отличались бы от теорий естественных наук только количественно, а не качественно, если бы в познание гуманитарных явлений не приводили нормативные соображения и деонтологические (относящиеся к области должного) идеи.

321. Причины неодинаковой пригодности индукции и дедукции в изучении различных областей действительности сводятся: 1) к большей или меньшей сложности изучаемых явлений, 2) к их большей или меньшей типичности или, наоборот, индивидуальности и 3) к возможности или невозможности прибегать к экспериментальному методу. В естествознании применение индукции облегчается, *во-первых*⁸, большею простотою исследуемых явлений, позволяющей с большим успехом вычислять количество причин, которые вызывают данные категории явлений, вследствие чего миллевские методы здесь гораздо более применимы, нежели вообще в гуманитарных науках. Во-вторых, вследствие этой меньшей сложности типичность наблюдаемого

явления, так сказать, резче бросается в глаза, а потому нужно бывает гораздо меньшее количество наблюдений, чтобы на их основании высказывать общие суждения: отдельные случаи здесь более похожи одни на другие, как менее осложненные и потому *часто*⁹ менее индивидуализированные. В-третьих, пользование экспериментом гораздо возможнее в деле изучения природы сравнительно с изучением общества, между тем как применение большей части миллевских методов очень и очень, как мы видели, нуждается в экспериментах (§).

322. Нельзя отрицать возможность пользоваться экспериментальным способом и в гуманитарных науках, что прежде всего относится к применению его в психологии, но как раз только к простейшим и типичнейшим явлениям. Но напрасно, например, за экспериментирование в изучении экономических явлений принимают иногда акты экономической политики, хозяйственного законодательства, как внесение в данную комбинацию экономических явлений некоторого нового условия по воле человека. В этом заключается чисто внешнее сходство с экспериментом – *преднамеренное*¹⁰ вмешательство сознательно действующей воли в естественный ход вещей, но этим все сходство и ограничивается. Во-первых, научные эксперименты делаются с познавательной целью, а законодательные меры предпринимаются с целями практическими. Во-вторых, научный эксперимент обыкновенно упрощает изучаемое явление, большей частью упрощает условия, в которых оно происходит, тогда как всякая новая законодательная мера усложняет жизнь чем-нибудь новым, не бывшим в ней раньше. В-третьих, сложность экономических явлений препятствует выделению того, что в каждом случае было действительным следствием принятой законодательной меры от всего, что могло быть следствием других обстоятельств, ее *случайно*¹¹ сопровождавших: здесь легко впасть в ошибку смешения фактической последовательности с причинною связью (по формуле «*post hoc, ergo propter hoc*»¹², §).

338. Теоретическое изучение народного хозяйства, права и государства и всех явлений, относящихся к этим трем категориям, имеет в своей основе умственный анализ, приводящий к установлению таких категорий, и возможно изолированное изучение каждой из них, как некоторой данной отдельности. Отдельность, однако, берется здесь не в том смысле, в каком классы зверей, птиц, рыб и пресмыкающихся даются нам среди позвоночных животных, а в смысле искусственного выделения нами в общественной жизни явлений экономических, правовых, политических, рядом с которыми мы выделяем еще явления моральной, религиозной, художественной, научной и т.п. жизни, – в смысле искусственного выделения, потому что в действительности все не с одним, так с другим¹³ более или менее тесно связано, одно с другим переплетено, одно от другого неотделимо. Социология, собственно говоря, и возникла, как попытка изучения всех общественных явлений в их консенсусе, как выразился Конт, то есть в их взаимной связи, как бы ее ни определяли: взаимною ли зависимостью, взаимоотношениями или взаимодействием (ср. сказанное о социологии выше, §). Социология даже немало содействовала сближению между собою специальных общественных наук, тогда слишком далеко расходившихся в разные стороны.

339. Раз отъединялась, изолировалась какая-либо категория *вообще*¹⁴ гуманитарных (не одних только общественных) явлений, весьма естественно основной признак каждой категории делался как бы единственно достойным внимания и изучения, словно он один был и в действительности главным, наиболее важным, самым-самым существенным. Это в свою очередь приводило к отыскиванию в психической природе человека того основного¹⁵ мотива, который объяснял бы существование хозяйственной ли действительности, правовых норм, государства, равно как религии, философии, поэзии, науки и т.п. Дальнейшим шагом было указание на цель существования всех этих элементов культуры, и происхождение их объяснялось телеологически из этой цели, а не генетически из общего комплекса человеческих потребностей и реальных условий в какие было поставлено их удовлетворение. При этом могли высказываться догадки (гипотезы), [которые] часто вследствие своей «разумности» или «естественности» казались приемлемыми без доказательств. Методологическая реакция против

изолирующего изучения приводила иногда, как мы это видели в области политической экономии (§), к прямому отрицанию такого способа.

340. Между тем он необходим, и возникновение социологии только дополнило новым методом, который может быть назван консенсуальным (consensus, согласие, согласованность, §338), отнюдь не устранило прежние¹⁶ методы, употребление которых даже необходимо в интересах самой социологии. Во всей сложности общественной жизни человека нужно разобраться, а это ведет к необходимости ее анализа и отдельного изучения каждой стороны. Так ведь делается и в изучении природы. В каждом физическом теле мы различаем несколько сторон: пространство, им заполняемое, вещество, наполняющее это пространство, его внутреннее строение, силы, в нем действующие и т.п., а это все изучается отдельными теоретическими науками, каковы геометрия (специально стереометрия), химия, физика, в случае живых существ анатомия. Каждая из этих наук некто изолирует, как бы игнорируя все остальное, и создает свои классификации: геометрия – тел, которые, могут быть кубами, пирамидами, шарами и пр. и пр., физика – явлений акустических, световых, электрических и т.д., химия – различая в данных веществах наличие разных элементов, физиология – процессы дыхания, кровообращения, пищеварения и т.п., как бы в действительности они ни были неотделимы друг от друга. При этом создаются формулы, которые не воспроизводят в полной точности изучаемую действительностью с конкретной неразрывностью ее элементов, сторон и т.д., и тем не менее ее нам уясняют. Таковы, например, в анатомии человека¹⁷ схематические чертежи скелета, мускулатуры, кровеносной системы или системы нервной: ничего этого в живом теле отдельно не существует, чертеж не воспроизводит всей действительности, а только одну ее часть или сторону. Не совпадая с действительностью, он, однако, не находится в противоречии с нею.

341. Вот и в гуманитарных науках вообще и в частности в науках общественных нужно заботиться не о том, чтобы умственные построения были как бы копиями действительности, что более или менее доступно только изобретательным искусствам, а о том, чтобы, будучи только схемами, они не противоречили действительности. Не совпадать и противоречить – два разные понятия. Всякое обобщение, отсекающее второстепенные подробности, всякое общее правило, из которого есть исключения, всякая схема, ограничивающаяся общими очертаниями, каждая средняя величина, выводимая статистикой (§§), все это – случаи несовпадения абстрактных суждений с конкретными фактами, не могущего быть основанием для опорочения законов политической экономии или юридических конструкций, как уже было сказано (§§). Такие несовпадения сплошь и рядом встречаются и в естественных науках.

343. Такова в общем природа и теоретических построений в изучении явлений, составляющих предметы специальных гуманитарных наук, особенно¹⁸ когда они работают абстрактно-дедуктивным методом и создают свои схематические обобщения в области изолированно изучаемых отношений. Ведь и в самой методологии, изучающей научное мышление, со стороны формальной мы выделяем из него для изолированного рассмотрения отдельные категории сходных приемов, способов, подходов, как разного рода методов, ставим их между собою в известные взаимоотношения, исходя из общих их понятий, определений, аналитических о них суждений и вместе с тем пользуясь обобщенными¹⁹ наблюдениями над действительной научной работой. Как теория научного мышления, методология не копия действительности, а ее схематизация, которая должна ее нам объяснять и вместе с тем направлять нашу собственную научную деятельность. Каждый метод может изучаться изолированно сам в себе и в своих видоизменениях и в комбинациях с другими методами.

344. Теоретические науки, разделяя между собою труд, каждая в своей области, анализируют действительность, умственно ее (а химия, анатомия, гистология и реально) [разделяют²⁰] на составляющие ее элементы, умственно (а в экспериментальных науках и реально) изолируют их²¹, создают для них понятия и терминологию, дают им точные определения, классифицируют их, синтезируют полученные индуктивным и сравнительно-историческим методом обобщения реальных фактов и объединяют все

полученное таким образом знание в более или менее стройные системы, венцом которых становятся найденные на таком длинном и сложном пути научные и эмпирические законы (§) или, по крайней мере, общие правила, под которые подводится большинство случаев одного рода (§)²². Не все теоретические науки находятся на одинаковых ступенях точного, полного, стройного и внутренне объединенного знания. При этом, в общем гуманитарные науки при большей сложности тех явлений действительности, ими изучаемой, при более позднем применении к ним чисто научных методов, при *широкой*²³ возможности привнесения в научное мышление субъективных, как нормативных, так и оценочных элементов отстают от развития естественных, но и в тех и в других они не составляют окончательного знания, а постоянно подвергаются критике (реальной и методологической), поправкам, полным заменам. С движением самих наук идут вперед и специальные их методологии. <...>

363. Такое же взаимодействие должно существовать и вообще между гуманитарными науками. Мы видели, какая тесная связь существует между государствоведением, юриспруденцией и политической экономией (§), но такая же связь имеется между науками культурными. Бывают философские религии и религиозные философии, религии художественные и религиозное искусство, религиозная поэзия, религиозная литература, а литература вообще тесно связана с языком и т.п. Между культурными, с одной стороны²⁴, и общественными науками, с другой, есть тоже немало соприкосновений и совпадений, как это можно видеть из таких понятий, как отношения между церковью и государством, сакральное (религиозное) право, художественная промышленность и т.п. Наконец, и общие номологические науки находятся под влиянием теоретических специальных, и сами на них влияют и даже вызывают в них новые направления в роде «уголовной социологии» и т.п.

364. Доставляя теоретическим наукам обильный материал и многие выводы из него²⁵, науки исторические в то же время находятся под воздействием со стороны наук теоретических. Мы видели, как близко стоят друг к другу историк экономического быта и экономист, работающий историческим методом, один с идиографическим, другой с номологическим заданием (§), но особенно важно то, что историческое знание испытало на себе сильное влияние социологии, как бы отрицательно очень часто ни относились чистые историки к чистой социологии (§). Та роль, которую для истории некогда играла философия, даже в своем метафизическом аспекте, принадлежит теперь социологии со всеми другими гуманитарными науками. Было время, когда история была почти исключительно политической, и только с течением времени стала заниматьсь правом, как и юриспруденция обратилась к истории, стала заниматься хозяйственным бытом, как и политическая экономия, обратилась к истории.

365. Возникла, наконец, и общая теория истории, в которой следует различать теорию исторической науки (историку, §) или ее методологию, и теорию исторического процесса, которая может быть названа историологией. Конт разделил социологию на социальную статику, изучающую законы сосуществования общественных явлений, и социальную динамику, занимающуюся законами их последовательности. Так вот историология и является такой социальной динамикой с особым уклоном в сторону понимания исторического процесса, отвлеченно взятого, то есть где бы и когда бы он ни происходил, причем, кроме социологии, историология должна опираться еще на коллективную психологию, на биологию (например, в вопросе о человеческих расах), на антропогеографию (по вопросу о влиянии природы на человека). Чем дальше идет развитие исторической науки, тем она все более и более носит на себе влияние теоретических наук, как и последние уже не сторонятся от исторического материала и от исторических обобщений, как это делалось, когда считалось возможным в понимании человеческих дел стоять исключительно на рационалистических точках зрения.

Примечания

¹ Лат.: «Что присуще».

² Слово «отвлеченных» – приписка на полях.

³ Здесь и далее сохранен авторский знак Н.И. Кареева – §, которым он обозначал отсылки к тому или иному месту в других главах работы «Общая методология гуманитарных наук». К сожалению, Н.И. Кареевым не были проставлены номера соответствующих параграфов. Сохранение знаков при передаче рукописи позволит судить, какие сюжеты данного отрывка раскрывались в тексте рукописи более подробно.

⁴ Слово «классам» – приписка на полях.

⁵ Слово «более» – приписка на полях.

⁶ Слово «к» – приписка сверху.

⁷ Слово «ее» – приписка сверху.

⁸ Слово «во-первых» – приписка на полях.

⁹ Слово «часто» – приписка на полях.

¹⁰ Слово «преднамеренное» – приписка на полях.

¹¹ Слово «случайно» – приписка на полях.

¹² Лат.: post hoc ergo propter hoc – «После этого – значит по причине этого» – логическая уловка, при которой причинно-следственная связь отождествляется с хронологической, временной.

¹³ Фраза: «не с одним, так с другим» – приписка на полях.

¹⁴ Слово «вообще» – приписка на полях.

¹⁵ Слово «основного» – приписка на полях.

¹⁶ Исправлено с «старые».

¹⁷ Словосочетание «в анатомии человека» – приписка на полях.

¹⁸ Слово «особенно» – приписка снизу.

¹⁹ Слово «обобщенными» – приписка сверху.

²⁰ Пропущено слово «разделяют».

²¹ Фраза «умственно (а в экспериментальных науках и реально) изолируют их» – приписка на полях.

²² Знак «§» – приписка на полях.

²³ Слово «широкой» – приписка на полях.

²⁴ Словосочетание «с одной стороны» – приписка на полях.

²⁵ Фраза «и многие выводы из него» – приписка на полях.